

Слушая, как Цзи Вань стонет от боли, Тун Цинхэ ничем не мог помочь и только беспокоился. Маленький коала изо всех сил лизал пальцы Цзи Ваня, пытаясь отвлечь его от боли.

Доктор по точно рассчитанной дозировке приготовил лекарство и снова дал его Цзи Ваню. Он также попросил Тун Цинхэ утешать его, пока он спешно осматривал ребенка в животе и записывал последние измеренные данные.

Тун Цинхэ не восстановил свою силу до конца, и немного поработав, почувствовал усталость. Доктор, увидев, что все в порядке, попросил его выйти и отдохнуть.

— Доктор, как долго Цзи Ваню потребуется на восстановление? — беспокойно спросил Тун Цинхэ.

В то время как он говорил, тело Цзи Ваня начало неконтролируемо дергаться. У него не было сил, и Тун Цинхэ мог легко его удержать, тихо говоря утешительные слова.

Цзи Вань в полузабытьи услышал его и послушно перестал дергаться.

Доктор с облегчением сказал:

— Все-таки твои слова на него действуют.

После всех забот Цзи Вань, весь в поту, от усталости глубоко уснул. Тун Цинхэ, шатаясь, вышел из комнаты. Слуга проводил его в другую подготовленную комнату. Он немного поел, чтобы утолить голод. Старый генерал велел ему спокойно отдыхать.

— Но как же мой дом и работа... — колебался Тун Цинхэ. Он только сейчас вспомнил, что опрометчиво примчался к Старому генералу, не сообщив никому дома. И он не знал, дали ли ему старшие коллеги новые задания.

Старый генерал успокоил его:

— Обо всем, что касается твоих дел, я позаботился. Состояние Цзи Ваня в эти дни нестабильно, и он находится в особенном положении. Как его другу, я прошу тебя остаться и уделить ему больше внимания.

Тун Цинхэ был готов заботиться о Цзи Ваню, но у него были сомнения. Он был одним из немногих, кто знал о вражде Цзи Ваня с семьей Шэнь. Подумав, он подошел к Старому генералу и тихо спросил:

— Вы беспокоитесь о нем, потому что это Цзи Вань, или потому что хотите ребенка в его животе?..

Спросив это, Тун Цинхэ тут же покраснел до ушей. Он никогда не говорил таких вещей со

старшими и всегда был вежлив и скромен с ровесниками и младшими.

Но Цзи Вань был так сильно поглощен обидой на семью Цзи, что даже добродушный и миролюбивый Тун Цинхэ ясно ощущал этот сильный негатив. Цзи Вань был первым Омегой, которого Тун Цинхэ искренне восхищал. Он был талантлив, но, к сожалению, родился не в том гендере, иначе сейчас у него были бы совсем другие достижения.

Тун Цинхэ сказал Старому генералу:

— Цзи Вань очень хороший человек.

Старый генерал посмотрел на него и мягко улыбнулся:

— Ты второй за эти годы, кто говорит, что Цзи Вань хороший.

Чрезмерно холодный человек, безусловно, не всем нравится, а сейчас он стал и вовсе бесстрастным. Старый генерал Шэнь уже понял, что его младший внук влюблен в Цзи Ваня до глубины души. Жаль только, что Шэнь Цзун играл в «театре одного актера». На первый взгляд, Цзи Вань был заперт Шэнь Цзуном в доме Шэнь и лишен личной свободы. Но если бы Цзи Вань продолжал расследовать дела его семьи, то, вероятно, в конце концов у него не было бы даже шанса приблизиться к правде.

Шэнь Цзун был вспыльчив, и в отношениях, помимо открытого применения силы, у него не было психологического шанса противостоять Цзи Ваню. Вот почему, даже после шести лет преследования, он не смог завоевать Цзи Ваня. Один не умел любить, другой был бесстрастным и не хотел любить — кто бы ни старался, в таких условиях новая любовь не могла родиться.

Старый генерал не хотел говорить о них двоих. Он посмотрел на Тун Цинхэ:

— Если бы характер Цзи Ваня был хотя бы вполовину таким, как у тебя, я бы не был так против.

Тун Цинхэ не имел права судить или критиковать чужие отношения, поскольку его собственные чувства к Цзян Шаочжи были немного болезненными. Тун Цинхэ оставался в доме Шэнь целых пять дней. На пятый день Цзи Вань наконец смог спокойно заснуть. Тун Цинхэ с облегчением покинул дом и поспешил домой.

Цзян Шаочжи еще не вернулся, и от него не было никаких новостей.

После того случайного разговора Цзян Шаочжи больше не отправлял Тун Цинхэ никаких сообщений. Тун Цинхэ не знал, ранен ли его Альфа, хорошо ли он ест, но, несмотря на все волнения, он не осмеливался снова проявить инициативу и связаться с ним.

Цзян Шаочжи дал ему привилегию, но это не означало, что Тун Цинхэ мог пользоваться ею,

когда вздумается. Он терпел внутренние муки. Как только он пришел домой, Циуциу и домработница тут же бросились к нему. Домработница с тревогой спросила:

— Старый генерал, оставив вас в доме Шэнь, не сделал ничего, что доставило бы вам неудобства?

Цзян Шаочжи перед отъездом на миссию оставил строгий приказ охране дома обеспечить безопасность Тун Цинхэ, но Старый генерал, не говоря ни слова, увез его.

В тот же день охрана Цзян Шаочжи прибыла в дом Шэнь. Старый генерал лично вышел к ним. Никто не осмеливался перечить ему.

Тун Цинхэ рассеянно сказал всем, что с ним все в порядке, и собрался помыть руки, чтобы поесть, но не удержался. Он потянул за собой одного из Альф, ответственных за безопасность дома, надеясь получить хоть какую-то информацию о Цзян Шаочжи.

Сюй Чанмин был солдатом, который рано ушел из-под командования Цзян Шаочжи, но имел отличные навыки стратегического мышления. Много лет назад, во время выполнения задания, духовное животное откусило ему ногу, оторвав ее вместе с костями и мясом. После установки протеза он остался на службе у Цзян Шаочжи в тылу.

Он считал, что работа в тылу относительно легкая, и сначала хотел тихо уйти, чтобы не быть обузой. Но после искреннего разговора с Цзян Шаочжи Сюй Чанмин переборол свои внутренние переживания и охотно остался.

Сюй Чанмин посмотрел на маленького супруга генерала и инстинктивно отошел назад, соблюдая дистанцию.

— Задание, которое выполняет Генерал, является строго засекреченным и не подлежит разглашению.

Тун Цинхэ разочарованно кивнул, и для него началось медленное, бесконечное ожидание.

Однажды он сам пошел к психологу, чтобы найти способ справиться со своим состоянием.

Чем дольше длилась разлука, тем больше росла тревога Тун Цинхэ с каждым днем. По совету доктора он старался сосредоточиться на работе, даже сам просил о сверхурочной работе. В итоге старшие коллеги с странным взглядом торопили его вовремя возвращаться домой. Тем не менее, ничто не помогало ему отвлечься от внутреннего беспокойства.

В его коммуникаторе накопились сотни неотправленных сообщений. Тун Цинхэ воспринимал их как свой дневник переживаний, иногда перечитывал их, как будто изучая какую-то информацию.

Он уже знал, насколько глубоки его чувства к Цзян Шаочжи. Тун Цинхэ раньше избегал таких мыслей, но теперь, по неволе и добровольно, он понял, что любит Цзян Шаочжи.

Несмотря на влияние генов, его чувства к Цзян Шаочжи, накопившиеся за время совместной жизни, достигли такой глубины, которую он не мог описать.

Осознав это, некоторые вещи, которые раньше мучили его, стали ясными, и он перестал переживать из-за вопросов и сомнений, вызванных врожденными генами. Теперь ему оставалось только следовать своему сердцу.

Его сердце принадлежало Цзян Шаочжи.

Поняв это, Тун Цинхэ съел много еды вечером. Циуциу измерил его физические данные и обнаружил, что он похудел на два килограмма с момента отъезда Цзян Шаочжи. Он похудел очень заметно. Стоя перед ним, ты не мог сказать, в какой конкретно части тела он потерял вес, но было очевидно, что он стал худее.

Если бы Цзян Шаочжи увидел его таким, он бы точно снова нахмурился. Тун Цинхэ не нужно было представлять, он мог закрыть глаза и увидеть его строгое, натянутое выражение лица.

Тун Цинхэ, думая об этом, улыбнулся. Тревогу сменило предвкушение. Он начал серьезно и сосредоточенно работать, а в свободное время интересовался состоянием Юй Сяокэ и Цзи Ваня.

Во время разлуки с Цзян Шаочжи он перестал намеренно отсчитывать время. Когда приближался Новый год и снег в Федерации становился все глубже, он отправил Цзян Шаочжи свое первое сообщение:

— Дядя, я скучаю. Ты в порядке?

Он не питал больших надежд. И действительно, после отправки сообщения Тун Цинхэ не получил ответа от Цзян Шаочжи.

У него не было причин жаловаться. По сравнению с этой незначительной тоской, Цзян Шаочжи приходилось сталкиваться с опасными врагами, что было во много раз опаснее обычной жизни.

Тун Цинхэ желал только, чтобы его Альфа благополучно вернулся.

В выходные, в конце года, объем работы увеличился, и Тун Цинхэ добровольно вызвался работать сверхурочно. С ним работали еще несколько старших коллег. Они закончили последнюю партию работы к восьми часам вечера. На улице сыпал снег. Коллеги по очереди собирали вещи и напоминали ему тепло одеться, прежде чем выйти.

Тун Цинхэ улыбнулся, показав свои белые зубы, и тщательно надел пальто. Дверь в хранилище древних свитков резко распахнулась, и Тун Цинхэ и один из оставшихся коллег одновременно посмотрели наружу.

— Что за ним гонится, что он так неистово бежит?

Не обращая внимания на шутки коллег, старший указал наружу, глядя на Тун Цинхэ:

— На взлетной площадке к тебе кто-то... кто-то пришел.

Рука Тун Цинхэ, застегивающая пуговицу пальто, остановилась. Он быстро обошел старшего коллегу и побежал к взлетной площадке, боясь, что опоздает и не успеет его увидеть.

На снегу оставались глубокие и неглубокие следы. Он остановился у взлетной площадки, стараясь успокоить свое дыхание.

В широком поле зрения в глаза бросился военный самолет. Тун Цинхэ внимательно смотрел на дверь. Из нее выпрыгнул сильный силуэт, двигаясь быстро и уверенно. На его военных ботинках была грязь. Он направился прямо к Тун Цинхэ.

Цзян Шаочжи похудел, и его лицо казалось более суровым и серьезным.

Тун Цинхэ оцепенел, вероятно, еще не до конца осознавая происходящее. Цзян Шаочжи снял защитные перчатки, поднял его лицо к себе, слегка наклонился:

— Похудел.

Услышав это, глаза Тун Цинхэ покраснели. Он стоял, глядя на Цзян Шаочжи, и через полминуты спросил:

— Почему ты вдруг вернулся?

Цзян Шаочжи ответил:

— Забрать тебя встречать Новый год.

После этого Цзян Шаочжи заключил Тун Цинхэ в необычайно горячие объятия. Хотя он был явно счастлив, его губы непроизвольно скривились вниз.

— Дядя, я скучал. Очень сильно.

Цзян Шаочжи сказал:

— Я знаю.

Цзян Шаочжи поцеловал его в уголок губ:

— Хочешь поехать со мной?

Даже если бы его тащили силой, Тун Цинхэ был бы не против. Он устал от тоски разлуки. Даже если бы им суждено было провести вместе всего одну минуту, он бы хотел безраздельно завладеть этой минутой.

— Вот так сразу?

Цзян Шаочжи ответил действием. Военный самолет вмещал только двоих. Только поднявшись в небо, Тун Цинхэ медленно осознал: он действительно уехал с Цзян Шаочжи.

<http://bllate.org/book/4/126>